

Валерий Гергиев дал открытый урок

Начались «Шереметевские вечера»

Неделя «В традициях Шереметевских музыкальных вечеров» в Мариинском театре началась, как и в прошлом году, с выступления Валерия Гергиева.

И не просто Гергиева, а Гергиева, дирижирующего симфонией Малера. На дневном и утреннем концертах он дважды в течение одних суток исполнил Пятую симфонию. После триумфального исполнения Шестой, которым было ознаменовано год назад рождение шереметевского проекта, Пятую ждали с особенно пристрастным любопытством. Но еще до того, как раздались первые звуки, обнаружился сюрприз, без которых в Мариинке редко обходятся. Вместо объявленного в афишах и буклетах симфонического оркестра Мариинского театра — знаменитого, полнозвучного и виртуозного, с которым всегда выступает маэстро, на сцену вышел мариинский, но молодежный оркестр.

В первом отделении он аккомпанировал Ольге Бородиной, певшей Rueckert-Lieder — пять песен на стихи Рюккерта, написанные почти вровень с Пятой симфонией, в том же жгучем лирическом тоне и даже с использованием одной общей музыкальной темы. Аккомпанировал весьма робко. Обескураженные не то ложной скромностью фактуры песен, не то лицемерием кумира и повелителя непосредственно за пультом, оркестранты терялись сами, теряли связность и слитность оркестрового саунда, а также местами и текст.

Для репертуара самой Бородиной песни Малера, лишенные внешней эффектности, зато перенасыщенные интеллектуальными претензиями, — это новость. Но и в отсутствие достойного партнера она выказала себя великолепной малеровской певицей. Ее меццо оказалось податливым всем изгибам прихотливой лирической интриги цикла. Тембр ее голоса был то бестелесно возвышенным, то трепетным и тревожным, пряным и чувственным в финале. Ночная лирика, тихий экстаз, благородная тембровая алхимия — все это идет Бородиной ничуть не меньше, чем партии драматических оперных героинь. Даже внешне певица походила в этот день на первую леди венского модерна Альму Малер.

Легко представить, что могло бы быть, играл оркестр иначе, как ожила бы лаконичная оркестровая партия, гибко оплетая соло, как отзывался бы роскошный матовый блеск пения завораживающими бликами в оркестре. Вместо этого голос солистки был подан в вакуумной упаковке.

Когда от песен перешли к симфонии, легче не стало. На первом концерте она просто не удалась — была сыграна настолько на одном

Ольга Бородина настолько вжилась в песни Густава Малера, что стала похожа на их адресатку — Альму Малер

дыхании, что к финалу оркестр добрался бездыханным. Играли приблизительно в одном движении, динамический рельеф был слабо различим. Малеровская симфония-роман прозвучала как скучнейшее монотонное повествование. Но на следующее утро все было иначе. С блеском проаккомпанировал Виктору Третьякову, отнюдь не блиставшему, в Скрипичном концерте Брамса, за симфонию на этот раз взялись по-настоящему. Результат можно считать чудом педагогического мастерства господина Гергиева. Вчера — неумелый ученический коллектив, сегодня — живой, подвижный и темброво яркий оркестр. Вчера — вялые и ведомые, сегодня — чуткие и временами не лишены некоторой лихости игры. Повинуясь дирижеру, оркестр придал непривычный торжествующий пафос траурному шествию первой части — если и не «урезал марш», то, во всяком случае, был далек от традиционной похоронной меланхолии. Симфония прозвучала по-гергиевски — с яростными контрастами, в упругом жестком ритме.

Концертов с подобным образом построенными программами — Малер песенный и Малер симфонический, Малер и Брамс, создатели истинно венской музыки по разные стороны рубежа веков, — в афишах филармоний всего мира не счесть. Однако едва ли где-нибудь еще, кроме Мариинки, на этом материале, представляющем собой пик взросления и зрелости европейского симфонизма, решились бы демонстрировать творчество юных и открытые уроки мастерства.

КИРА ВЕРНИКОВА,
Санкт-Петербург

ВИКТОР БАЖЕНОВ

Комментарий - 2001 - 19 февр. - с. 10.